

НАСЛЕДИЕ

«В сложенные крылья облачен...»

Нина КОРИНА, Москва.

Если вообразить, что ты - репей, который «вцепился в заячью грудь и в далекий отправился путь», то можно попасть в совершенно особую страну, где «фляга с черепахой очень схожи, на обеих панцирь вместо кожи»; где, «запрокинув голову, как птица, пьет верблюжонок воду из корытца»; где с юлой лучше не связываться, ясно же: «кто с юлой подружится, тот совсем закружится»; где «честное гусе-

ничное» - очень надежное слово, а вот знакомая тропинка, такая привлекательная в солнечную погоду, может подвести и предать, стоит только дождю пройти. Зато воробушкам можно верить, когда они запоют: «Мы выжили, мы дожили, мы живы, живы мы!» А дикий голубь, «хоть и кроток, но не приручен», ходит среди нас по земле, «в сложенные крылья облачен», как бы напоминая, что

«лучшая одежда - это крылья...»

А кто же из нас хотя бы раз в жизни не чувствовал себя крылатым! Удивительную эту страну создал и подарил всем нам очень добрый и щедрый человек - поэт Валентин Дмитриевич БЕРЕСТОВ. И хоть страна эта отнюдь не древняя, а очень даже современная, отправиться в путешествие по ней лучше всего с археологом... **Валентином Дмитриевичем БЕРЕСТОВЫМ.**

паны в ваших книгах. И все-таки: удалось вам найти хоть кусочек берестяной грамоты в древнем Новгороде?

- Да что вы! Я бы навеки остался археологом. Берестяной поплавок с именем нашел, и то Арциховский, руководитель экспедиции, не преминул заметить: вот, дескать, Берестов находит бересту. Фамилия обязывает. Хотя она вовсе не от «бересты», а от древнерусского «берест», что означает «вяз», «карагач». Вы шли по аллее от метро «Беляево» - она вся из таких берестов.

На раскопках в Хорезме находок случалось много. Но еще больше - встреч с людьми, сюжетов разных, песен. Все-таки общение с людьми - это самое интересное.

- Иногда - самое горькое. Особенно когда видишь, как ломается душа близкого человека. Или разочаровываешься в ком-то по мере узнавания.

- Да. Екклезиаст говорил: познание умножает скорбь. Думаю, он имел в виду знание жизни. Историческое знание скорбь не умножает. Наоборот, вместо того чтобы переживать, горевать, тосковать, ты начинаешь анализировать, размышлять. А это уже совсем другое настроение.

Археология познакомила меня с гениальным человеком, Юрием Валентиновичем Кнорозовым. Это он расшифровал письмо индейцев майя. Причем решение о дешифровке принимал буквально у меня на глазах. Он разрабатывал общую теорию коллектива, начиная от первых сообществ в истории человечества. В общую теорию входила теория сигнализации, а в нее - теория графики. Вот ее он и решил проверить. Никто, кроме него, не догадался, что письменность майя - иероглифическая.

Так вот: Кнорозов установил, что законы диалектики, все абсолютно, не действуют, если не соблюдается принцип ЕДИНСТВЕННОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ. Это какой-то божественный принцип, он лежит в основе мироздания. Когда он мне о нем рассказывал, я возразил: «А вечный двигатель? Он невозможен!» - «За единственным исключением: Вселенная как таковая». Я говорю: «Человек смертен». А он: «Единственное исключение вам известно».

- Христос?

- У нас - Христос, в других религиях - Будда, Магомет. То есть я не сомневаюсь, что Христос действительно воскрес!

Так и в человеческом сообществе: обязательно присутствует некто, по отношению к кому коллектив чувствует себя единым. Над кем подтрунивает, кем восхищается - и это всех объединяет. Иногда это начальник, в семье - ребенок. Или «дежурный чудак». У меня есть рассказ, который так и называется: «Дежурный чудак». И хоть там об этом не сказано, «чудаком» был я. Провел эксперимент на себе в экспедиции. А потом легко переключил общее веселое внимание на одного из трех шоферов. Разумеется, эта ноша не была для него обременительна, иначе бы я ее не взвалил на него. Но принцип действует безотказно. На нем построены сказки, литературные произведения. У Чуковского, например: таракану все поклонились, кроме воробья. А любовь как возникает? Все - такие, а Она - не такая. Все. И ничего с этим законом поделать нельзя. Надо просто знать его и, по возможности, как-то гармонизировать ситуацию.

- Но ведь это открытие!

- Не мое.

- А вам приходилось пользоваться им в жизни?

- Ну вообще-то не пользуюсь. Лишь однажды «переключил стрелку» на того, кто пытался путем «дружеской критики» учинить надо мной расправу. Это были годы, когда по публикациям делались серьезные оргвыводы. Правда, я сделал это очень мягко, вреда ему не причинил. Написал доброе, дружеское письмо, даже дельный совет дал: ты, дескать, печатай детские стихи во «взрослых» журналах, а взрослые - неси в «Детскую литературу». Тогда твои дела пойдут лучше. Только в одном месте ввернул словечко, которое в жизни никогда не употребляю. Он стал бегать с моим письмом по инстанциям. Но, видно, я уместно употребил «не то» слово: там прочтут - и заулыбаются. Эффект получился комический.

- Вы себя достойно защитили. Но больше, наверно, поводов не было?

- Поводов сколько угодно. Особенно когда за какой-нибудь справкой пойдешь. Я почему-то у чиновников вызываю горячее желание показать надо мной власть. А вахтеры, даже когда пропуск есть, не всегда меня пропускают. Писатель, на взгляд вахтера, должен быть важным, похожим на начальство. А я, наверно, выгляжу несерьезно. Однажды на собственный вечер не пустили! Пальто мое вахтеру не понравилось.

- И что - вечер не состоялся?

- Ну, разве я мог уйти? Это был вечер для детей. Устроительница спустилась, провела.

- В ваших «воспиталочках» - по аналогии с «Читалочками», «Считалочками» - маленький человек, да и не только маленький, впервые узнает, что скорбь - действительно скребет, печаль - печет, грусть - грызет... Что если взглянуть с высоты на обиду - обиду теряешь из виду. Что самое большое чудо на свете - когда тебя вдруг ни за что ни про что полюбят. О чем же надо кричать, чтобы человек не губил самого себя? Особенно когда ему дано вершить судьбами других. Или нет таких слов?

- Почему? Они давно найдены. Правда, тому, кто их произнес впервые, пришлось выпить чашу с ядом. Это Сократ. А сказал он самое главное на все времена: «ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ». Почти все наши беды происходят оттого, что мы не знаем самих себя. Ведь уму непостижимо: человек рождается единственный раз, для продления жизни - и в песнях воспевают смерть. Все гроща ломаного не стоит по сравнению с жизнью КАЖДОГО - а лучшие умы работают на войну. Как это остановить? Никто до сих пор даже не пытался разобраться - не с социальной, а с психологической точки зрения, - что такое война, что такое героизм. Да просто: что такое ЧЕЛОВЕК? Ведь это понятие абстрактное. Человек разного возраста - уже разный человек. От возраста зависят закономерности по-

ведения. Когда возникли классы, правители стали удерживать основную массу людей в «предпочтительном возрасте». А такой пример: «брахман» - это «мудрый». Но возникли касты. И вот родится ребенок - и он уже «брахман». А наша дедовщина? Парень на год больше прослужил в армии - и он «дед». Некоторые застревают в определенном возрасте.

- Я знаю одного взрослого человека, который из пустыни в Москву послал жену, забывшей приписать в телеграмме традиционное «целую», десятку на поцелуй.

- Было такое ребячество.

- Зато ваш первый редактор был не по годам серьезен. Я имею в виду редактора рукописного журнала «Улисс», к сожалению, незавершенного, который вы однажды втроем решили издавать. Об этом успел написать Эдуард Бабаев, один из вашей триады; светлая ему память!

- Светлая память и моему, говоря вашими словами, первому редактору, Георгию Эфрону. Или, иначе, Муру, сыну Марины Цветаевой. Совсем юном он был отправлен на фронт и там погиб. А когда мы познакомились - в Ташкенте, в эвакуации, - ему было лет 17, мне - 15. Его опекала Анна Андреевна Ахматова, ну и, заботясь о его окружении, пригласила меня - дескать, отличник, не курит. Но я догадался, что он переживал, когда этот «отличник» уйдет. А потом мы встретились во дворце пионеров и очень подружились. В письмах сестре, которые теперь опубликованы, он писал, правда, не называя имен, чтобы не подвести, ведь он был сыном «врага народа», что хорошо себя чувствует, бывает самим собой, только когда он во дворце пионеров. Так я с удивлением узнал через многие годы, что и Мур дорожил нашей компанией, в которую входили Эдик Бабаев, Зоя Туманова, Рафаил Такташ и я. В маленькой комнатке Мура, в доме, который для нас, его друзей, был Олимпом, а он называл его «Лепрозорием», едва помещались стол, стул и узенькая кровать. Запомнилась книжная полка над столом, а на ней сборники стихов его матери: «Версты», «Ремесло», «Царь-Девница». Тут же - любимые им произведения французских писателей в русском переводе, которые он давал мне читать. А однажды так увлекся, что пересказал целый роман Жюль Ромэна... Эдик говорил, что в этой комнатке с фанерными стенами жил Улисс и тосковал по своей Итаке - Москве, которую он очень любил. Рубашки у него были всегда свежие, ботинки начищены до блеска. Таким он нам и запомнился.

- А что вам еще помнится из тех лет? О чем вспоминаете с улыбкой?

- Там же, в Ташкенте, учительницей английского была Надежда Яковлевна Мандельштам. А трое школьников-стихотворцев, Эдик, Зоя и я, - кстат, стипендиаты Центрального дома художественного воспитания детей, - очень увлекались английским. Знали наизусть стихи Эдгара По, Стивенсона. Надежда Яковлевна решила нами похвастать перед близкой подругой, Анной Андреевной Ахматовой, которая тоже любила английский. Только, выдать, перехвалила нас учительница. Анна Андреевна в конце концов сунула нам «Граматику английского языка», которой сама пользовалась, и сказала: «Приходите, когда прочтете!». Зато уж в следующий раз мы ей даже рассказали, почему утопающий иностранец кричал: «Я хочу утонуть, и никто не должен меня спасать!». Перепутал связи глаголов. Довольная Анна Андреевна смеялась: «Ну вот, теперь вы разбираетесь в английской грамматике!»

- Потом вы поехали в Москву, и она послала с вами письмо своей подруге с припиской в конце: «Это письмо передаст Вам В. Берестов. Он очень хороший мальчик и пишет стихи. Поговорите с Валей». Я прочитала это письмо и подумала: теперь оно будет всегда публиковаться в собрании сочинений Ахматовой.

- Я сам прочитал его только в двухтомнике несколько лет тому назад! Даже не подозревал, что обо мне там упоминалось: письмо было зашито в марлевый мешочек с курткой.

Лет в 17 я решил писать «мемуары», даже план составил. Есть там и конспект моих разговоров с Ахматовой. Сейчас эти листки, а также листки из дневников тех лет для меня реликвия. Но как много драгоценных песчинок выветрилось из памяти, про которую Пушкин сказал с досадой: «Ткань ветхая, истершаяся убого!»

- А самую первую встречу помните?

- В марте нынешнего года исполнилось 30 лет со дня смерти Анны Андреевны. А 28 марта 1943 года я с Надеждой Яковлевной впервые поднялся по наружной лестнице, ведущей на длинный крытый балкон двухэтажного дома в начале ташкентской улицы Карла Маркса. Застекленная дверь, она же окно, вела с балкона в крохотную комнатку, которую Ахматова называла копилкой: комнатка располагалась на месте бывшей сберкассы, приспособленной под общежитие для эвакуированных. Мы вошли, и в «копилке» сразу стало тесно. Муж и жена Ганнибалы, потомки тех, гулакинских, поднялись и ушли, освободив нам место. Анна Андреевна сидела на узенькой койке, и свет от лампочки, висевшей на белом шнуре, падал прямо на нее. Я смотрел на беленую стену, к которой она прислонилась, и любовался гордым горбоносым профилем, когда она слегка поворачивала голову: таким он казался молодым! Стихи мои она, как я записал в дневнике, похвалила сдержанно. И прочитала эпиграф «Поэмы без героя». Я понимал, что слышу голос мировой поэзии.

- Валентин Дмитриевич, раз уж мы коснулись мировой поэзии: это правда, что вы нашли два неизвестных стихотворения Пушкина?

- Правда.

- Когда, где, как?

- В ноябре 1978 года, у себя на кухне, читая дочке народные песни, которые Пушкин записывал в Михайловском; они опубликованы в приложении к 3-му тому. Пушкин дал их Киреевскому со словами: «Как-нибудь от нечего делать разберите-ка, которые поет народ, а которые смастерил я сам». Так это и осталось тайной.

Дочку интересовали свадебные и семейные песни. «Вот, - думаю, - хорошо девуку воспитал!» А это она замуж как раз собиралась... Когда прочитал «Уродился несчастлив, бесталанлив», - вдруг оба поняли: Он! Эта песня составлена из всех тех, которые он дал Киреевскому, как ученые не догадались? А вторая песня - она написана позже - просто-таки документальна:

Как за церковью за немецкою:

Добрый молодец Богу молится:

Как не дай, Боже, хорошу жену...

В общем, «хорошу жену» привечают, а «меня, молодца, - заворотнички». А вот дневниковая запись: «Приехал в мундире, мне сказали, гости во фраках. Я уехал, оставив Наталью Николаевну... Рядом с домом на Мойке находились аж две немецкие церкви, лютеранская и реформатская. Просто прямое указание! А вот поди ж ты.

... Я возвращалась по зеленой аллее берестов, где под каждым деревом чем-то торговали: старухи - укропом, крепкие парни - бананами, тетки - турецким барахлом. А над ними незримо парил дикий голубь, о котором мой недавний собеседник написал когда-то стихи:

Лучшая одежда - это крылья:

Хорошо сидит, прочна, легка,

Не боится ни дождя, ни пыли...

И надо же было так распорядиться судьбе, чтобы в шкафу Истории отныне висели рядом падежский мундир А.С. Пушкина и старенькое пальто В.Д. Берестова!

Фото А. Шимановича

- Валентин Дмитриевич, однажды вы откровенно признались: пошел, дескать, в археологию, чтобы стать поэтом. Потому что следы прошлого непременно приводят к заботам своего времени. Подтвердилось?

- Безусловно! Мой отец преподавал историю в школе, и я поступил на истфак МГУ. Там вел курс новой истории Франции академик Тарле, которого я обожаю с детства. «Специалистом по новой истории» я был целых 15 дней. Дело в том, что французским языком мы занимались вместе с археологами; эту науку и основали французы. С одним из студентов - ныне это академик Валентин Лаврентьевич Янин, - у нас был общий знакомый, Кома Иванов, или теперь Вячеслав Всеволодович Иванов, знаменитый лингвист. От него Янин узнал, что я пишу стихи. И стал горячо убеждать, что мое место - в группе археологов. Однажды он разделил лист бумаги, на одной половине привел свои доводы, их было много: Анатолий Франс и Мериме - археологи; каждый день приносит новые открытия; всегда на свежем воздухе, что, надо полагать, благоприятно для здоровья, и так далее. На моей половине был только один аргумент: как раз хилое здоровье... Словом, на следующий день я записался в археологию. Два года работал на практике в Новгородской экспедиции, потом, увлеченный лекциями Сергея Павловича Толстова по этнографии - а он раскопал древнехорезмийскую цивилизацию, - я перешел к нему. Буквально с первой лекции стал считать себя его учеником. Его взгляды не устарели до сих пор.

- Именно тогда вы поняли, что золото, хоть и благородный металл, но отнюдь не облагораживающий? Что вещь, найденная при раскопках царского дворца, спешит рассказать не о правителе, а о том, кто ее изготовил? Что полет стрел продолжается и в наши дни - на указателях, на шкале приборов? Поэтично и очень точно!

- То, что я работал в науке, вызвало нехарактерное для поэта стремление к точности. Если я изображаю переживания, какие-то автобиографические эпизоды, то все именно так и было. Вот у моего друга, Евгения Винокурова, есть замечательное стихотворение, как солдат выскочил за кипятком, и в последний момент прицепился к поезду. Так и висел над степью, поливая ее кипятком. Это случилось с Маршаком, но он написал «я» - так воспринял эту историю, проникся ею. Я бы написал, что это случилось с Маршаком...

Сейчас эпоха, требующая особой точности, именно поэтому столько разных приборов, дозиметров. Малейшая ошибка - в генной инженерии, например, - и беда. Мне кажется, что и в поэзии сегодня надо стремиться к точности. Чтобы не оказаться взорванными изнутри.

- Мы, люди, такие сиюминутные на этой Земле, а археолог как бы имеет дело с вечностью. Ведь древняя надпись на плите когда-то рухнувшего храма, как вы написали, это - «телеграмма, идущая неспешно сквозь века». И вот вы эту «вечность» обматываете кисточкой... Повлияло ли это на ваше мировоззрение?

- Конечно, повлияло! Я, например, совершенно спокойно воспринимаю перемены в обществе. Потому что знаю: один слой сменяется другим, одна эпоха - другой. Это нормально, так всегда было в истории. И всегда будет.

Что касается вечности, то... «Нет ничего прочней, чем битая посуда!» Временное, случайное порой и оказывается вечным - горшочек какой-нибудь, вещька маленькая, бусинка, игрушка. А потом с ними происходит чудеса:

Вещь - это весть. С веками вещи

Приобретают голос вещей.

По форме сосуда мы узнаем эпоху, в которую он изготовлен. А знаете, что еще вечно? Мода! Покрой платья остановил, законсервировал Время. И это навсегда.

- Готовясь к встрече с вами, я предприняла несложные «раскопки» в библиотеке, в ваших, надо сказать, многочисленных книгах, книжках, книжечках. И теперь владею секретом, почему вы не стали настоящим археологом: слишком находки любили. Конечно, это одна из искристых шуток, которые буквально рассу-